

М. Б. Бессуднова

ПРЕВРАТНОСТЬ СУДЬБЫ
(Великий Новгород в системе русско-ливонских
отношений конца XV века)

Сюжет о присоединении Великого Новгорода к Московскому государству в 1478 г. присутствует во всех научных трудах, посвященных русско-ливонским отношениям рубежа XV–XVI вв. Последовавшее вслед за тем нарастание напряженности в Балтийском регионе интерпретируется исследователями в зависимости от исходных установок либо в духе саги о «московской экспансии», направленной против Ливонии¹, либо в контексте формирования

¹ *Schimann T.* Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Berlin, 1887. Bd 2. S. 150–155; *Cosak H.* Zur Geschichte der auswärtigen Verwirklichungen des Ordens in Livland 1478–1483 // *Baltische Studien zur Archeologie und Geschichte*. Riga, 1914. S. 203–240; *Hildebrand H.* Die hansisch-livländische Gesandtschaft des Jahres 1494 nach Moskau und die Schließung des deutschen Hofes zu Nowgorog // *Baltische Monatsschrift*. 1871. Bd 20. S. 115–136; *Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 183–189; *Lenz W.* Auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Wolter von Plettenberg bis 1510. Riga, 1928. S. 7–9; *Kentmann R.* Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik. 1494–1514. Marburg, 1929. S. 1–20; *Johansen P.* Novgorod und die Hanse // *Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte*. Gedächtnisschrift für Fritz Rörig. Lübeck, 1953. S. 140–141; *Dollinger P.* La Hanse. Paris, 1964. P. 414; *Tiberg E.* Moskau, Livland und Hanse 1487 bis 1547 // *Hansische Geschichtsblätter*. 1975. Bd 93. S. 30–34, 36–38; *Kirby D.* Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772. London, 1990. P 51; *Ritscher A.* Reval an der Schwelle zur Neuzeit (1510–1535). Bonn, 1998. Bd 1: Vom Vorabend der Reformation bis zum Tode Wolters von Plettenberg. S. 10–11; *Biskup M.* Livland als politischer Faktor im Ostseeraum zur Zeit der Kalmarer Union (1397–1521) // *Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union, 1397–1521*. Toruń. S. 122; *Angermann N.* Livländisch-russische Beziehungen im

Российского централизованного государства, укрепления его экономики и международного престижа². Малая эффективность подобного подхода очевидна³. Приходится признать, что проблема русско-ливонских противоречий рубежа XV–XVI вв. не помещается в «прокрустово ложе» теории противостояния Ливонии и Московии. Корректировку наших представлений о происхождении, характере и динамике развития русско-ливонского конфликта способен обеспечить лишь комплексный подход к изучению проблемы и обращение ко всему спектру факторов, влиявших на положение дел в балтийском регионе. Нельзя, в частности, оставить в стороне весьма выразительную специфику внутривосточного развития Ливонии и Московии, поскольку окончательная ликвидация новгородской независимости имела следствием их территориальное сближение и активизацию контактов.

В плане социально-экономического, политического и культурного развития Великий Новгород отличался от прочих русских городов, что в значительной мере определялось его торговой активностью и интенсивностью его контактов с Западной Европой⁴. Благодаря торговле с Ганзейским союзом, в первую очередь с ливонскими городами, хозяйственный уклад, социальная организация, право, культура «волховской метрополии» оказались во многом сориентированы на западноевропейские образцы. Подобная адаптация помогала нейтрализовать дезинтегрирующие воздействия церковных установок, возбранявших православным людям близкое общение с католиками, а также сглаживала правовые и культурно-

Mittelalter // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland. Lüneburg, 2001. S. 140–141.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 3. С. 130–131; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV в. М., 1952. С. 383; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 261–273; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980. С. 69–70; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI вв. М., 1982; Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971; Алексеев Ю. Г. Морская политика Ивана III: К постановке вопроса // От Древней Руси к России Нового времени. М., 2003. С. 108–126; Перхавко В. В. Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 451–456.

³ Filjuschkin A. I. Der Diskurs von der Notwendigkeit des Durchbruchs zur Ostsee in der russischen Geschichte und Historiographie // Narva und die Ostseeregion: Beiträge der 2. Internationalen Konferenz über die politischen und kulturellen Beziehungen zwischen Russland und Ostseeregion. Narva, 2004. S. 171–184.

⁴ Историографические обзоры см.: Angermann N. Der hansische Rußhandel. Zur Forschungslage // Novgorod: Markt und Kontor der Hanse. Köln, 2002. S. 5–11; Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 18–28.

бытовые различия, что делало Новгород привлекательным и доступным для европейских купцов. Тому немало также содействовал принцип равенства иноземцев с новгородцами в сфере торговли и судопроизводства, лежавший в основе новгородско-ганзейской «старины», т. е. правовых норм, регламентировавших общение новгородцев с ганзейцами⁵.

Новгород и Новгородская земля являли собой, таким образом, нечто вроде «буферной зоны», расположенной на стыке православного (русского) и католического (западноевропейского) культурно-исторических пространств. В ее пределах ходом исторического развития этих двух типологически различных «миров» создавались условия для их продуктивного контакта, «низовые» же русские земли, где подобные условия отсутствовали, осуществляли свои связи с Западной Европой только при посредничестве Новгорода и Пскова. После 1478 г., однако, эта относительно гармоничная композиция оказалась разрушена. Московское государство, продвинувшее свои границы вплоть до ливонских пределов, представляло собой иную, нежели Новгород, модель общественного состояния, поскольку в силу исторических обстоятельств изначально приспособлялось к контакту не с католическим Западом, а с монголо-татарской Степью⁶. Московским государям XV–XVI вв. и великому князю Ивану III Васильевичу (1462–1505), в частности, было чуждо понимание политики, принятое в современном мире⁷. Основу их политической концепции составляло особое восприятие власти, скорее этико-религиозное, нежели политико-правовое, этимологическое восходящее к византийскому концепту самодержавия и золотоордынским традициям⁸, согласно которому воля богоданного государя, изначально отмеченная божественной санкцией, утрачивала свою субъективную природу и, будучи эманацией сакрального начала, предполагала безоговорочное повиновение всех, на кого она была сориентирована. Подобная парадигма исключала присутствие иных политико-право-

⁵ *Frensdorff F.* Das statutarische Recht der deutschen Kaufleute in Nowgorod. Abt. 1–2, Göttingen, 1887; *Schlüter W.* Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1911; *Angermann N., Endeil U.* Die Partnerschaft mit der Hanse // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11–17. Jh.* München, 1989. S. 102–103.

⁶ *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 191–211.

⁷ *Кром М. М.* К пониманию московской «политики» XVI в.: Дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // *Одиссей: Человек в истории.* 2005. М., 2005. С. 283–303.

⁸ Историографию вопроса см.: *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. СПб., 2006.

вых систем, в частности западноевропейского городского права, на котором покоились традиции новгородско-ганзейской торговли («старины»).

Надо также иметь в виду, что опыт общения с европейскими государствами у Ивана III до начала 1470-х гг. был крайне невелик и ограничивался, в основном, дипломатическими контактами с Великим княжеством Литовским (ВКЛ). Вместе с тем московский государь хорошо понимал экономическое и стратегическое значение Ливонии и Ганзы, игравших ключевую роль в поставках Москве западноевропейских товаров и обеспечивавших проезд в Европу русских послов, а потому после подчинения Новгорода не стал покушаться на новгородско-ганзейскую «старину», утвердив ее в 1478 г. особой «золотой грамотой»⁹. Поражение Ливонского ордена в войне с Псковом 1480–1481 гг. воочию продемонстрировало слабость Ливонии, раздираемой на тот момент внутренними противоречиями, но он не воспользовался случаем, чтобы присоединить ее к своим владениям. Последнее в планы Ивана III, скорее всего, не входило – во всяком случае до разрешения проблем с Казанью и Литвой, – однако ему приходилось учитывать вероятность союза ливонских ландсгерров с кем-либо из его внешнеполитических противников – польско-литовскими Ягеллонами или Швецией, и во избежание этого он согласился на восстановление новгородско-ганзейского торгового мира, нарушенного событиями 1478 г., в надежде привлечь Ливонию и «заморскую» Ганзу на свою сторону.

Вместе с тем благоволение «государя всея Руси» не предполагало отказа от трансформации новгородско-ганзейской «старины», которая в своем исходном варианте полностью исключала проявление воли великого князя. В соответствии с московскими традициями на стадии разработки условий нового торгового договора Иван III потребовал от ганзейцев «челобитья». Смысловая наполненность этого топоса дискуссивна¹⁰, однако характер ментальной рефлексии ганзейцев позволяет утверждать, что для них подобная процедура означала отказ от принципа равенства договаривающихся сторон и выражение зависимости¹¹. Обеспечение безопас-

⁹ HUB. Bd 11, № 102, § 3. S. 67.

¹⁰ *Филюшкин А. И.* Формулы самопрезентации высшей власти в *invocatio* посольских грамот Ивана IV // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2006. № 1 (23). С. 84–85.

¹¹ В ганзейском разговорнике Т. Фенне (*Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian 1607*. Copenhagen, 1970. Vol. 2. P. 94) значение существительного «челобитье» передано посредством латинизма *supplication* (от *supplicāre* – становиться на колени, припадать к ногам, смиренно умолять, возносить мольбы).

ности русских купцов на Балтийском море и уравнительный порядок распределения спасенных при кораблекрушении товаров, также затребованные Иваном III, шли вразрез с ганзейскими традициями, основанными на принципе «каждый сам несет свой убыток», и в силу расхождения со «старинной», были чреваты конфликтными ситуациями, способными обострить международное торговое сотрудничество¹². Ганзейцам, хорошо осведомленным о жизненном укладе новгородцев и псковичей, но мало знавшим о московских порядках, эти требования казались произволом. Ради восстановления торговли они пошли на компромисс, но сам торговый мир 1487 г. был воспринят ими с большой долей скепсиса¹³.

Новый договор не привнес стабильности в русско-ганзейские отношения. Новгородская торговля стремительно деградировала¹⁴. Убежденность отечественных историков в намерении Ивана III покончить с монополией Ганзы в балтийской торговле и содействовать развитию русского предпринимательства¹⁵ более чем спорна ввиду того, что деструктивный импульс исходил не из его «анти-ганзейских» настроений, но явился побочным продуктом подгонки новгородского уклада к московскому «стандарту», который осуществляли в Новгороде представители московской администрации. Массовая депортация новгородских купцов и бояр в 1488–1489 гг. резко сократила социальную среду, от которой зависели успехи новгородской международной торговли¹⁶. Московские посадские люди, переселенные великим князем в Новгород, не обладали крупными капиталами, деловыми связями и опытом ведения заморской торговли; им была незнакома конъюнктура ганзейского рынка и правовые основы международного товарообмена; ликвидация же крупных боярских вотчин существенно сократила возможность оптовых закупок товаров традиционного для Новгорода экспорта. К тому же русско-ганзейский договор 1487 г. с русской стороны не был обеспечен надежными гарантиями и вскоре после подписания был нарушен новгородскими властями, произвольно изменившими порядок торговли солью и медом – вероятно, по фискальным со-

¹² Бессуднова М. Б. Великий Новгород в конце XV – начале XVI вв. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 30–41, 50–51.

¹³ Ганзейцы восприняли торговый мир 1487 г. как «мост, который нельзя перегружать, иначе он рухнет в воду» (HUB. Bd 11, № 102, § 16. S. 72).

¹⁴ Angermann N. Nowgorod – das Kontor im Osten // Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos. Lübeck, 1999. S. 240–241.

¹⁵ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 195–200.

¹⁶ Selart A. Zur Geschichte der Russen in Livland um die Wende des 15. zum 16. Jahrhundert: Der Vorwand zur Schließung des St. Peterhofes in Novgorod in Jahr 1494 // Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse. Lüneburg, 2003. S. 198–204.

ображениям¹⁷. Сведя на нет международную торговлю Новгорода, великий князь добился лишь того, что его подданные стали все чаще выезжать по торговым делам в соседнюю Ливонию, чем обеспечили расцвет ее экономики в первой половине XVI в.¹⁸

Неоднозначную оценку получило в исторической литературе закрытие новгородской ганзейской конторы (Немецкого подворья) 6 ноября 1494 г.¹⁹. Бесперспективность этого «сомнительного» предприятия (Н. С. Борисов) очевидна, поскольку условия, созданные для ганзейской торговли в Новгороде, и без того предопределили ее закат. Более того: новгородская акция обернулась для Московского государства серьезными затруднениями из-за сокращения пошлин и ганзейских торговых санкций, которые грозили полностью прервать или сильно осложнить подвоз импортного вооружения в преддверии Русско-шведской войны 1495–1497 гг.

Свою версию причин закрытия Немецкого подворья я уже изложила в ряде публикаций, указав на связь новгородских событий с провалом переговоров Ивана III с германским королем Максимилианом Габсбургом в 1489–1493 гг., довольно бесцеремонно отказавшимся от проекта заключения им военного и династического союза с великим князем²⁰. Немецкое подворье являлось единственной «болевой точкой» империи, доступной воздействию со стороны московского государя, и он продемонстрировал Западу степень своего раздражения тем, что обрушил свой гнев на его обитателей, в большинстве своем имперских подданных. Вместе с тем Ивану III, руководствовавшемуся этико-религиозными установками, важно было придать акции, осуществленной в нарушение договора 1487 г., видимость законного действия, а потому свое решение он мотивировал произволом, совершаемым якобы в ганзейских городах в отношении подданных великого князя. Особый упор при этом был сделан на прецеденте с казнью в Ревеле (Таллинне) русского купца.

В новгородско-ганзейской торговой практике конфликты случались нередко. Был выработан механизм их урегулирования, кото-

¹⁷ Бессуднова М. Б. Великий Новгород... С. 126.

¹⁸ Angermann N. Die Bedeutung Livlands für die Hanse // Die Hanse und der deutsche Osten. Lübeck, 1990. S. 97–116.

¹⁹ Tibergh E. Moskau, Livland und Hanse 1487 bis 1547 // Hansische Geschichtsblätter. 1975. Bd 93. S. 30–34, 36–38; Казакова Н. А. Еще раз о закрытии ганзейского двора в Новгороде в 1494 году // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 177–187; Selart A. Zur Geschichte der Russen in Livland. S. 177–210.

²⁰ Бессуднова М. Б. Великий Новгород... С. 54–94; Она же. «Петрову двору капут: закрытие ганзейской конторы в Новгороде» // Родина. 2009. № 9. С. 43–46; Bessudnova M. Die Schließung des hansischen Kontors in Novgorod im Jahre 1494 im Kontext der Beziehungen des Großfürsten von Moskau mit Maximilian von Habsburg // Hansische Geschichtsblätter. 2009. Bd 127. S. 69–99.

рое в период новгородской независимости осуществлялось исключительно на публично-правовом уровне²¹. Для Ивана III такого рода порядок был неприемлем, а потому он вынудил ганзейцев отказаться от традиционной процедуры и признать за ним статус верховного арбитра. Отсутствие публичного разбирательства и тот факт, что официальное обвинение ливонской стороне, представлявшей всю Ганзу, было предъявлено *post factum* с большим опозданием²², породили волну слухов. Ливонцы полагали, что великий князь нарушил договор, вознамерившись начать против Ливонии войну²³. Недоверие к московскому государю и страх перед готовящейся агрессией нашли свое концентрированное выражение в тезе о «русской угрозе» («*Rusche gefahr*»), которая благодаря налаженным коммуникациям быстро распространилась за пределы Ливонии. Свою лепту в ее оформление внес ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг (1494–1535), сопровождавший свои просьбы о предоставлении Ливонии военной и финансовой помощи ссылкой на вероятность русского вторжения²⁴. Так досужая молва, детище непонимания, обрела незыблемость факта, положенного потом в основу западноевропейских историографических разработок.

Между тем закрытие Немецкого подворья, аресты ганзейских купцов в Новгороде и русских «гостей» в Риге и Ревеле, а также запретные санкции, утвержденные весной 1495 г. Любекским ганзетагом²⁵, не пресекли русско-ливонской торговли, хотя и содействовали ее качественному изменению. В отсутствие возможности развиваться в рамках «старины» она переродилась в полулегальную или «необычную» торговлю (*ungewonliche kopenschopp*), сосредоточенную не в Новгороде, а в Дерпте/Тарту, Пскове, Нарве и торговых местечках на Неве и Луге. Ливонские ландсгерры препон ей не чинили, справедливо полагая, что сохранение торговли в какой-то мере гарантирует их от ухудшения отношений с «московитами»²⁶. Вплоть до начала в 1501 г. Русско-ливонской войны русские купцы в Ливонии пользовались правом «чистого пути», хотя, случалось, становились жертвами мошенничества или разбоя. Впрочем, эти случаи имели эпизодический характер и мало влияли на развитие

²¹ Angermann N., Endeil U. Die Partnerschaft mit der Hanse. S. 102–103.

²² LEKUB 2. Bd 1, № 34, 384; ПСРЛ. Т. 27. С. 366.

²³ Ibidem. № 83, 119.

²⁴ Подробнее см.: Бессуднова М. Б. Организация обороны Ливонии магистром Плеттенбергом в начальный период его правления (конец XV – начало XVI вв.) // Вехи минувшего. Учен. зап. ист. ф-та ЛГПИ. Липецк, 2000. Вып. 2. С. 228–234.

²⁵ HR 3. Bd 3, № 482.

²⁶ LEKUB 2. Bd 1, № 132.

русско-ливонской торговли²⁷. То же самое можно сказать и о действовавших в Ливонии торговых ограничениях. В дополнение к правилу «гость да не торгует с гостем», которое, заметим, соблюдалось и в Новгороде, в связи с обострением обстановки был приостановлен вывоз из Ливонии в Россию металлов, металлических изделий (запрет на вывоз оружия действовал в Ливонии постоянно), пороха, серы, селитры, лошадей, соли, что, однако, не исключало контрабандной торговли²⁸. Политики запретов на торговлю с русскими наиболее последовательно придерживались власти Ревеля, руководствуясь при этом отнюдь не враждебным отношением к русским купцам, а стремлением ослабить своих торговых конкурентов в Дерпте и Нарве²⁹. Граждане этих городов наиболее активно саботировали политику запретов, но из-за дефицита товаров, искусственно создаваемого Ревелем, а также по причине сокращения в 1495–1496 гг. объемов экспорта из Любека³⁰ вынуждены были ограничивать или даже полностью прекращать вывоз некоторых товаров в русские города³¹. Таким образом, следует признать, что случаи ограничения русской торговли в Ливонии были вызваны объективными причинами и никакого отношения к целенаправленной дискриминации русской торговли³² не имели. Только в 1499 г. магистр Плеттенберг запретил русским купцам доступ в Нарву, но сделал это по причине многочисленных нападений на ливонскую территорию с русской стороны и бездействия новгородских властей³³.

В 1494–1497 гг. имя магистра Плеттенберга чаще всего упоминалось в связи с переговорами, которые он вел с Иваном III в связи с освобождением арестованных в Новгороде ганзейских купцов. Магистром руководило желание поскорее устранить опасную ситуацию, возникшую после закрытия Немецкого подворья, хотя не исключено, что своим участием в судьбе пленников он рассчитывал также подвинуть руководство Немецкой Ганзы к оказанию Ливонии финансовой и военной помощи. Свидетельством усердия ма-

²⁷ Бессуднова М. Б. Великий Новгород... С. 105–106, 112–113.

²⁸ Там же. С. 103–119.

²⁹ Там же. С. 112–117.

³⁰ Vogtherr H.-J. Livlandhandel und Livlandverkehr Lübecks am Ende des 15. Jahrhunderts // Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. 2001. S. 203–205.

³¹ LEKUB 2. Bd 1, № 260.

³² См., напр.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 33–35.

³³ LEKUB 2. Bd 1, № 954, 958.

гистра стали семь посольств в Новгород и Москву³⁴, на организацию которых было затрачено 2065 рижских марок³⁵. Чтобы обеспечить переговорам успех, Плеттенберг старался расположить великого князя к Ливонии и по мере возможности принимал его условия. В 1495 г. он сломил сопротивление Ревеля и Риги, не желавших освободить русских заложников без предоставления гарантий³⁶, но в ответ на этот жест доброй воли великий князь в нарушение предварительных договоренностей предоставил свободу лишь нескольким подросткам, изучавшим в Новгороде русский язык. Вместе с тем он потребовал от магистра выдать ему судей, которые в Ревеле приговорили к смерти русского купца³⁷, а после того как в конце лета 1496 г. шведы взяли Ивангород, захотел покарать «злодеев» из числа жителей Нарвы, которые участвовали в штурме и разграблении крепости³⁸.

Впрочем, эпизод с Нарвой в выдвинутых против ливонцев обвинениях не слишком акцентировался – предположительно из-за последовавшего вскоре окончания Русско-шведской войны (март 1497 г.). Потребность в нормализации отношений с «заморской» Ганзой заставила Ивана III освободить ганзейских купцов³⁹, за исключением четверых граждан Ревеля, которые должны были оставаться в заключении вплоть до получения великим князем удовлетворения за казнь его подданного⁴⁰. Вряд ли Иван III понимал при этом, что ливонский магистр, к которому он обратил свое требование, за неимением права вмешиваться в сферу городской юрисдикции был не в состоянии его исполнить. Чтобы в этой сложной ситуации не прерывать диалога с Москвой, Плеттенберг поддержал инициативу Любека по проведению русско-ганзейских переговоров в Нарве⁴¹. Он призывал ливонские и «заморские» города тщательно подготовиться к нарвскому «саммиту», в частности собрать и изучить всю документацию, касавшуюся русско-ливонских договоров последних лет⁴². Ревельскому же магистрату вменялось в обязанность расследовать все инкриминированные ему казусы, что, как следует из протоколов нарвских

³⁴ *Vegesack S.* Die Gesandtschaften Wolters von Plettenberg an den Großfürsten von Moskau in den Jahren 1494–1497 // *Baltische Monatsschrift*. 1913. Bd 75, H. 5. S. 315–340; *Бессуднова М. Б.* Великий Новгород... С. 127–169.

³⁵ LEKUB 2. Bd 1, № 630.

³⁶ Ibidem. № 280, 284, 296, 297, 323, 324, 346.

³⁷ Ibidem. № 384, 406.

³⁸ Ibidem. № 507.

³⁹ *Tiberg E.* Moskau, Livland und Hanse. S. 37.

⁴⁰ LEKUB 2. Bd 1, № 50.

⁴¹ Ibidem. № 602.

⁴² Ibidem.

переговоров, было исполнено со всем тщанием⁴³. Подготовка русской стороны, исходившей из представления о непреложной правоте своего государя, была сведена к оформлению московского дискурса новгородских событий 1494 г., запечатленного в летописном своде 1497 г.⁴⁴ Такой подход изначально отрицал возможность конструктивного диалога, к которому готовились ливонцы, и стал основной причиной провала нарвских переговоров, состоявшихся в феврале 1498 г.

В 1490-х гг. осложнилась обстановка на новгородском отрезке русско-ливонской границы. С началом строительства в 1492 г. Ивангорода в Ливонии стали говорить о готовящемся русском вторжении⁴⁵, хотя эти слухи, судя по всему, не имели под собой реального основания. Вместе с тем появление близ Нарвы и ее густонаселенной округи русской крепости сильно деформировало местную социальную среду. Ливонские крестьяне, привыкшие рыбачить около некогда пустынного русского берега, теперь подвергались жестоким преследованиям за браконьерство со стороны ивангородских властей, совершая ответное насилие над русскими купцами, случайно попавшими в их руки⁴⁶. В то же время военный люд из крепости совершал систематические «шкоды» на ливонской стороне, что было обусловлено как слабостью дисциплины внутри гарнизона, так и недостатком продовольствия вследствие плохого снабжения⁴⁷. При подобных обстоятельствах ливонцам, жившим в приграничной полосе, легко верилось в пресловутую «русскую угрозу», а купцы, в большом количестве приезжавшие в Нарву, распространяли эти «бациллы страха» по всей Ливонии и за ее пределами. С другой стороны, фогт Нарвы в силу своих служебных обязанностей исправно извещал магистра Плеттенберга о положении на границе, а тот, в свою очередь, воспроизводил эти донесения в своих посланиях верховному магистру Немецкого ордена и ганзейским городам⁴⁸.

⁴³ Ibidem. № 646–648.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 27. С. 366. См. также: Т. 5. С. 39; Т. 6. С. 240; Т. 20. С. 361; Т. 27. С. 325–336. Т. 8. С. 228; Т. 12. С. 239.

⁴⁵ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Berlin-Dahlem (GStA): HA XX OBA № 2303; Eynne Schonne Hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho Lyffflanth myth den russen unde tartaren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1861. Bd 8, H. 2. S. 135–137.

⁴⁶ LEKUB 2. Bd 1, № 544, 546.

⁴⁷ Уместно вспомнить, что дорогу от Копорья до Ивангорода начали строить лишь в 1495 г. (LEKUB 2. Bd 1, № 290), а до того подвоз осуществлялся только по реке.

⁴⁸ Ibidem. № 85, 344, 546.

Вера магистра в реальность «русской угрозы» основывалась также на донесениях разведки. Осуществлению разведывательных операций ордена в пределах новгородских земель помогали устойчивые контакты ливонцев с русской купеческой средой. Торговля облегчала внедрение лазутчиков; новгородцы же охотно делились сведениями с ливонцами, включая представителей орденской администрации, побуждаемые к тому не только коммерческим практицизмом, но и оппозиционным настроением в отношении московских порядков⁴⁹. Впрочем, сведения, поставляемые ливонскими лазутчиками, имели в основном оперативно-тактический характер и мало отражали стратегические расчеты Ивана III. Объективные обстоятельства – главным образом неразвитость деловых контактов ливонцев с московским купечеством⁵⁰ – мешали Плеттенбергу получать информацию из окружения великого князя, без чего его оценка ситуации на русско-ливонской границе, основанная на разведданных «новгородской агентуры» и личных впечатлениях, была не всегда объективной. Как и его подданные, Плеттенберг был склонен верить в существование «русской угрозы» и вместе с тем отчасти спекулировал ею в своей переписке, побуждаемый к тому неопределенностью создавшегося положения и крайней потребностью в деньгах. При этом обращение к теме «русской угрозы» в посланиях Плеттенберга не имело ничего общего с целенаправленным и безосновательным нагнетанием страха перед Россией, которое ставится ему в вину российской историографией⁵¹.

Вместе с тем, если отбросить тот флер, который придает ливонской документации посылка о «русской угрозе», то окажется, что серьезного основания говорить о намерении Ивана III подчинить себе Ливонию у нас нет. Критичности положения это, однако, не устранило. Опасность исходила от появления близ русско-ливонской границы русских войск, включавших мобильные и слабо дисциплинированные подразделения дворянской конницы и татарские отряды. Еще в 1478 г. они совершили набег на ливонскую территорию⁵², создав тем самым опасный прецедент, на который московские власти никак не отреагировали. Ситуация усложнялась тем,

⁴⁹ Бессуднова М. Б. Великий Новгород... С. 170–183.

⁵⁰ Angermann N. Deutsche Handelsverbindungen mit Moskau im 15. und 16. Jahrhundert // *Hansische Geschichtsblätter*. 2007. Bd 125. S. 130.

⁵¹ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 205–209, 211–217.

⁵² Heleweg H. Das rothe Buch inter Archiepiskopalia // *Scriptores rerum Livonicarum*. Bd 2. Riga, Leipzig, 1853. S. 765; ПЛ. Т. 1. М., 1941. С. 262; GStA HA XX OBA. № 2139.

что Иван III, который должен был учитывать возможное выступление Ливонии на стороне его противников, предполагал предотвратить его посредством силового воздействия. Так, в 1495 г., накануне похода на шведский Выборг, он планировал превентивный удар по Ревелю⁵³, являвшемуся морскими «воротами» Выборга, через которые шведы получали солдат, вооружение и деньги.

В период Русско-шведской войны (осень 1495 – март 1497 г.) великий князь периодически напоминал ливонцам о своем присутствии близ их границ акциями, которые те расценивали как недружественные и угрожающие (блокирование границы, запрещение плавания по Нарове, переброска войск под Ивангород⁵⁴ и т. п.). После завершения войны русские войска были дислоцированы в пределах новгородских и псковских земель – скорее всего, в связи с началом Датско-шведской войны и непредсказуемостью ее последствий для Московского государства, – после чего вооруженные нападения на ливонскую территорию стали еще интенсивнее. Весной 1497 г. в Европе были уверены, что Ливонии вслед за Швецией суждено стать жертвой русской агрессии⁵⁵. Абсолютной уверенности в обоснованности этих опасений у нас нет, хотя можно допустить, что Иван III таким образом мог компенсировать отсутствие признаков победы над шведами. К счастью для Ливонии, события в Казани, обострение отношений с ВКЛ и «семейный заговор», которые пришлось на 1497 г., не позволили Ивану III разыграть «ливонскую карту»⁵⁶.

Весной 1498 г. активность русских вооруженных отрядов в зоне русско-ливонского пограничья существенно возросла. Нападениям подвергались орденовые округа Мариенбурга/Алуксне, Розитена/Резекне, Лудзена/Лудзы, Нарвы, Нейшлоса/Васкнарвы, а также дерптская и рижская епархии⁵⁷. Широта территориального охвата, глубина проникновения (до 70 миль вглубь Ливонии⁵⁸), мобильность нападавших, а также жестокость в обращении с местным населением⁵⁹ позволяют предположить участие в этих рейдах дворянской конницы. Если принять во внимание, что по времени они совпадали с разработкой проекта антирусской коалиции, иници-

⁵³ LEKUB 2. Bd 1. № 144.

⁵⁴ Ibidem. № 544, 546, 550.

⁵⁵ Ibidem. № 646, 647.

⁵⁶ Ibidem. № 411, 551.

⁵⁷ Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Abt. 3. Riga, 1908. № 10, § 16; LEKUB 2. Bd 1. № 923, 941, 958, 1072.

⁵⁸ Eynne Schonne Hystorie. S. 141.

⁵⁹ Ibidem. S. 137–138.

ированного руководством Немецкого ордена («плана Изенбурга»)⁶⁰, а также началом весьма неприятного для Ивана III сближения Ливонии с Данией и Литвой⁶¹, их санкционированность великим князем представляется возможной, тем более, что использование грубого давления во внутренней и внешней политике соответствовало стилю правления этого государя⁶². Убедившись в бесперспективности дальнейших переговоров, магистр Плеттенберг летом 1498 г. окончательно отказался от их продолжения и приступил к подготовке войны с Московским государством.

Подводя итоги вышеизложенному, следует признать, что события, связанные с переменами в судьбе Великого Новгорода, существенно повлияли на изменение русско-ливонских отношений конца XV в. Одним из основных факторов, предопределивших их обострение, стало разрушение традиционного порядка общения представителей русского и западноевропейского «миров», длительное время осуществлявшегося через своеобразный «адаптер», в роли которого выступал Великий Новгород. Его присоединение к Москве и последовательное разрушение этой органичной композиции породило цепную реакцию сбоев в торговле, практике разработки и соблюдения международных договоров, сфере дипломатического общения и т. д. Настороженность и страх ливонцев в отношении «москвитов» усугублялись непониманием происходящего, поскольку с момента присоединения Новгорода к Москве практика русско-ливонско-ганзейского общения утратила свой публично-правовой характер и замкнулась на фигуре великого князя Московского. Со своей стороны Иван III не считал нужным мотивировать свои политические решения, не был склонен к компромиссам и не пренебрегал методами силового воздействия, что давало европейцам повод говорить о тираническом характере его правления. Дестабилизации русско-ливонских отношений содействовало также присутствие русских войск близ ливонской границы, вооруженные нападения на ливонскую территорию, строительство Ивангорода, изменившее порядок жизнедеятельности населения на ливонском берегу Наровы, что в общей сложности и привело к формированию на Западе устойчивого топоса «русская угроза».

При таком положении дел в поведении Ивана III и магистра Плеттенберга не было ничего непоследовательного. Каждый из них по собственным соображениям не желал эскалации конфликта и стремился к диалогу, однако «говорили они на разных языках».

⁶⁰ LEKUB 2. Bd 1, № 606.

⁶¹ Lenz W. Die auswärtige Politik [...] von Plettenberg. S. 24–27; Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt. S. 19.

⁶² Борисов Н. Иван III. М., 2000. С. 408.

Этико-религиозной концепции монаршего всевластия, представленной московским государем, противостояла ливонская приверженность межгосударственным договоренностям. Потребовалось время, чтобы западноевропейцы и «московиты» начали понимать друг друга. Что же касается рубежа XV–XVI вв., то русско-ливонские противоречия по мере их накопления, в полном соответствии с диалектическим законом о переходе количества в качество, привели к кризисной ситуации конца 1490-х гг., которая вылилась в войну 1501–1503 гг.